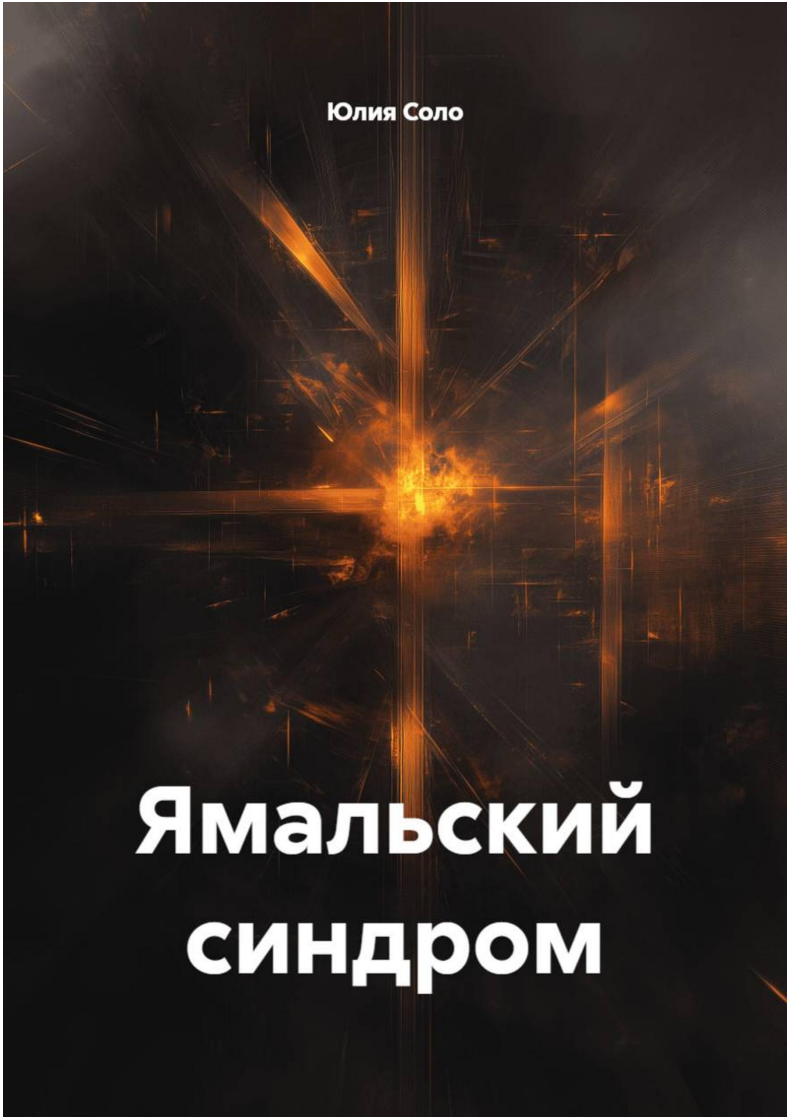

Юлия Соло
Ямальский синдром

Юлия Соло
Ямальский синдром

https://litres.ru/74715809
SelfPub; 2026

Аннотация

Ямал. Минус сорок пять. Ветер, способный содрать кожу с лица. Здесь, на стратегической стройке, законы физики важнее законов людей.

Матвей Сергеевич — руководитель направления. Человек, который должен сдать объект любой ценой. Но пока в теплых кабинетах Красноярска топ-менеджеры жонглируют графиками KPI, на передовой идет война. Снабженцы присылают бракованный металл, геодезисты ошибаются в осях, а прорабы готовы вцепиться друг другу в глотки.

Когда из-за ошибки проектировщиков фундамент под турбину начинает уходить в незамерзающее озеро, а бригада готова бросить всё и уехать, Матвей делает выбор. Он остается. За свой счет, за счет нервов и здоровья он удерживает стройку, пока в теплых офисах ищут виноватых.

Но настоящая битва начинается, когда на объект прибывает комиссия комплаенса. Для московских аудиторов Матвей и его люди — просто «нарушители регламентов». Им плевать на то, что бетон замерзает в миксере, а людей заживо сжирает пурга.

Ямальский синдром

ГЛАВА 1. НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР ТУНДРЫ И ПОЛУНОЧНЫЕ ЗВОНКИ

Полярная ночь на Ямале не наступала плавно. Она просто падала на тундру тяжёлым покрывалом, сквозь которое свистел ледяной ветер со стороны Карского моря. На станции Обская в свете прожекторов разгружались платформы. Тяжёлые буровые установки с глухим лязгом сходили на мёрзлую землю.

Матвей Сергеевич сидел в модульном вагончике-бытовке. За последние два года география расширилась, задачи выросли втрое, и теперь он руководил направлением всего Ямальского региона. На плечах покоилась всё та же засаленная куртка, на столе дымился чай с брусникой, а вокруг лежала гора чертежей дожимной компрессорной станции. На часах было ровно 23:30.

Телефон завибрировал. Экран высветил: «Красноярск. Головной офис. Снабжение».

Матвей нажал кнопку ответа и прижал трубку к уху. Кашлянув от дерущей горло простуды, он сухо произнёс: — На связи.

— Матвей Сергеевич, добрый вечер! — бодрым голосом отозвался динамик. Это был начальник отдела снабжения. Из-за разницы во времени Красноярск просыпался тогда, когда на Ямале линейные бригады уже вырабатывали полови-

ну смены. Пик офисной активности наступал, когда люди в тундре валились от ног после двенадцати часов на пятидесятиградусном морозе. — Мы тут на вечернем совещании сидим, у нас вопрос по обсадным трубам на куст номер два. Почему до сих пор не разгружены платформы? Нам заказчик штрафы крутит! Что вы там возитесь?

Матвей почувствовал, как внутри закипает глухая ярость, и заговорил опасным тоном: — Послушай меня, любезный. Во-первых, я тебе не прораб и не мастер участка на побегушках, чтобы ты мне тут претензии предъявлял. Я Руководитель направления. И в таком тоне разговаривать со мной не надо — я не твой подчинённый. Запомни это раз и навсегда.

На том конце трубки замолчали. Эти люди в Красноярске напоминали аквариумных рыбок. Матвей осаживал их десятки раз, но они с завистливым упорством обнулялись каждое утро. Стоило им сесть в тёплые кресла, как память стиралась, и они снова пытались разговаривать с передовой как с бесправными батраками, они пытаются вешать свои прямые обязанности и сбор паспортов на руководство участка.

— Да ладно вам, Матвей Сергеевич, чего вы сразу… — забормотал снабженец. — У нас регламент. Нам просто нужен отчёт по трубам…

— На куст номер два, — жестко перебил его Матвей, — вы прислали трубы с маркировкой «ХЛ», а по проекту в зону тающих плывунов идёт спецсталь «К60» с полимерным покрытием. Вы путевые листы вообще смотрели, когда эшелон

формировали? Они у меня на путях мёртвым грузом стоят, потому что бурить ими — это брак, фундамент турбины весной уплывёт! Я тебе три запроса на замену материала в систему скинул ещё в два часа дня!

— Ваши запросы ПТО должно сначала обработать, потом Жанна Владимировна согласует… Разберёмся в течение трёх рабочих дней. А платформы разгружайте. Чего вы там на месте сидите, не так уж вы там и заняты в своей тундре, раз на звонки отвечаете. Пересчитайте трубы вручную, соберите паспорта у субподрядчиков и подготовьте нам дефектную ведомость. Нам в офисе некогда этим заниматься, у нас тендеры на следующий год.

— Пересчитать? Вручную? В минус сорок пять на стрелках?! — Матвей сжал кулак. — Ты путаешь маркировку, твой отдел забывает отсканировать сертификаты, а я должен бросить управление направлением и бегать по путям с рулеткой, потому что тебе «некогда»?! Вы там в Красноярске вообще масштаб проблем не догоняете? У меня штат до сих пор не доукомплектован на сорок процентов! Ключевому геодезисту Косте через три дня надо уходить на межвахту — парень полгода без вылаза в заполярье отпахал! Следом за ним через неделю у половины линейных мастеров и механизаторов вахта горит, люди на износе! А замены из офиса как не было, так и нет! Кто объект сдавать будет?!

— Матвей Сергеевич, вы руководитель на месте, вам и карты в руки. Не усложняйте. И вообще, руководство недо-

вольно вашими методами. Проверяющие из Красноярска на внутреннем ВКС прямо сказали: объект у вас до сих пор держится не потому, что вы хорошо работаете, а потому, что вы с заказчиком, технадзором и смежными подрядчиками вроде Савельева находитесь в коррупционном сговоре. Так что давайте без фокусов. Завтра утром ждём отчёт по трубам. Всего доброго.

Трубка запищала короткими гудками. Матвей со стуком швырнул телефон на стол. Весь этот гигантский полярный проект двигался вперёд только потому, что Матвей лично выстраивал жесткие связи с технадзором и делился со смежниками последним сварочником. А в сытом Красноярске эту святую таёжную взаимовыручку лёгким росчерком пера обозвали «сговором». Любая некомпетентность тыла, любая нехватка людей на передовой списывалась на махинации на месте.

В этот момент дверь бытовки приоткрылась, и внутрь зашёл Вадим. За эти пару лет Ямал окончательно переплавил бывшего комнатного ПТОшника в матёрого прораба. Ватник на нём сидел как влитой, лицо выветрилось до черноты, а в руках он держал планшет с чертежами осей фундамента.

— Сергеич, — сипло сказал Вадим, присаживаясь к буржуйке. — Я с пятого куста. Буровые выставили, но у нас сюрприз. Проектировщики в чертежах фундамента допустили ошибку — сваи висят в воздухе ровно над подземным таликом. Незамерзающее озеро под землёй. Если начнём бурить

по проекту — свая уйдёт в жижу, как нож в масло. Офис проект так и не пересогласовал?

Матвей тяжело вздохнул, глядя на Вадима: — Не пересогласовал, Вадик. У них там регламенты и подозрения. Я завтра сам еду в Салехард к главному инженеру заказчика. Буду лично выбивать срочное изменение проекта и замену наших термостабилизаторов на жидкие хладагенты. Нам на их подозрения плевать, нам объект спасать надо.

— Сергеич, они же там задохнутся на своих совещаниях, — криво ухмыльнулся Вадим, протягивая руки к теплу. — Опять соберут комиссию, будут три недели перекидывать бумажки из отдела в отдел, а у нас растворо-бетонный узел запустить надо через три дня, иначе лёд схватит котлован навсегда. И Костян… Костя реально на чемоданах сидит. Он сказал, если сменщика не будет, он прямо с вехой на Обскую пешком пойдёт. Имеет право, полгода в тундре.

Матвей молча посмотрел на чертёж, затем на Вадима. — Не задохнутся, Вадик. И Костю удержим, я ему лично межвахту оплачу из наших резервов, раз Красноярск тупит. Мы им эти строительные нормы в горло затолкаем. Иваныч где?

— Иваныч на РБУ дежурит, с механиками магистраль отогревает. Мужики простужены через одного, кашляют так, что дизеля не слышно. Из Красноярска звонили юристы в одиннадцать вечера — требовали, чтобы я заполнил три формы по экологическому контролю тундры. Мол, прораб на линии не сильно занят, пусть бумажками займётся. Они

как рыбы аквариумные, Сергеич. Ничего не помнят и не понимают.

Матвей поднялся со стула и натянул каску. — Ничего, Вадюха. Пусть звонят, пусть подозревают. Наша задача — сваи вбить и турбину удержать. А юристам и снабженцам мы на итоговом закрытии такие показатели устроим, что они у нас сами на Ямал в валенках приедут. Пошли на разгрузку, трубы Савельева встречать надо. Пора за работу.

ГЛАВА 2. БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ И КРАСНОЯРСКИЙ ДЕСАНТ

Разговор с Костей Матвей откладывал до последнего. Просить человека, который отгорбатил в тундре честные полгода без единого выезда на «большую землю», остаться ещё хотя бы на пару недель — это всё равно что просить смертника добровольно затянуть на себе петлю.

Костя сидел на углу топчана в геодезическом балке, бережно упаковывая в пластиковый тубус распечатанные калибровочные таблицы. Рядом на полу стоял уже собранный, туго набитый армейский баул. На самом верху, прижатый новеньким подрамником, лежал заветный электронный билет на утренний поезд от Обской до Тюмени, а оттуда — самолётом до дома. Костя не курил уже года три, но сейчас в его пальцах мелко дрожала зажжённая сигарета, пускающая тонкую струйку едкого дыма в потолок.

Матвей тихо зашёл, прикрыв за собой хлипкую дверь, отсекая гул работающего на улице бурового станка. Ложиться

на шконку или присаживаться на единственный стул он не стал — остался стоять у порога, тяжело опустив огромные ладони в карманы куртки.

— Костян, — негромко позвал Матвей.

Геодезист не вздрогнул. Он медленно поднял голову, и Матвей внутренне сжался: под глазами у парня залегли черные, глубокие тени, кожа на лице от полярного ветра стала похожа на дублёную кожу, а в глазах горела сухая, выжженная тоска человека, который мыслями уже обнимал жену и дочку на перроне.

— Сергеич, даже не начинай, — тихо, но с пугающей твёрдостью сказал Костя, стряхивая пепел в банку из-под тушёнки. — Сменщика нет, я знаю. Мне Вадик сказал. Жанна Владимировна в Красноярске нашла какого-то парня, но тот узнал, что тут минус сорок семь и надо по двенадцать часов на кустах стоять, и уволился в первый же день. Так?

— Так, Костян, — скрывать правду Матвей не умел и не собирался. — Офис обнулился в очередной раз. Снабжение плевать хотело на кадры, у них там графики и показатели.

— Ну вот и всё, Сергеич, — Костя аккуратно затушил сигарету. — Мой поезд завтра в шесть утра. Автобус до Обской уходит через три часа. Я свой контракт отработал день в день. Шесть месяцев, Сергеич. Я дочку младшую видел только по видеосвязи, когда спутник над тундрой соизволил поймать сеть. У меня жена одна ремонт тянет, тёща слегла… Я здесь всё отдал, что мог. Прибор почищен, юстировка сдела-

на, все файлы я Вадиму на ноут скинул. Я уезжаю. Если силой попытаешься удержать или наряды не закроешь — мне плевать, уволюсь по собственному прямо с вокзала.

Матвей молчал. Он смотрел на этот армейский баул, на несчастный электронный билет и понимал, что Костя полностью прав. По совести и по-человечески парень отдал этой стройке больше, чем она заслуживала. Но суровая правда Ямала заключалась в том, что если завтра Костя уедет — стройка встанет. Без геодезической разбивки осей бурение под новые турбины превратится в слепое тыканье пальцем в мерзлоту. А это — миллиардный брак, за который Матвея и Вадима просто закатают в уголовные дела. Офис в Красноярске этого не понимал, они считали, что геодезист — это просто строчка в штатном расписании.

Матвей сделал шаг вперёд, сел на корточки перед топчаном, оказавшись на одном уровне с Костей, и посмотрел ему прямо в глаза: — Костя. Я тебя держать по закону не имею права и не буду. И наряды твои все закрыты, я лично подпись поставил, деньги тебе на карту упадут завтра. Но я прошу тебя как мужика. По-таёжному. Останься на десять дней. Всего на десять дней, Костян.

Костя резко отвернулся, его челюсти сжались: — Сергеич, ты издеваешься?! Какие десять дней?! У меня билет горит!

— Я куплю тебе новый. Бизнес-класс из Салехарда, за свой счёт, — Матвей положил тяжелую ладонь на плечо парня. — Из своих личных денег оплачу тебе эти десять дней

по тройному тарифу, наличкой. Красноярск хрен чего согласует, они нас в сговоре обвиняют, но я из своего кармана отдам. Мне не жалко, Костя. У нас на пятом кусте свая висит над таликом, над подземным озером. Нам Савельев сейчас дорожные плиты везёт, чтобы буровую удержать. Вадик один не справится, он прораб, а не приборист. Если ты сейчас уедешь, плита уплывёт. Нас похоронят под штрафами, а Вадьку под суд отдадут. Десять дней, Костян. Я сам костьми лягу, но через десять дней лично на своём УАЗике отвезу тебя к трапу вертолёта. Помоги, брат. Не ради Жанны и не ради Василича. Ради нас.

В балке воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем настенных часов. Геодезист смотрел на билет, затем на куртку Матвея, от которого пахло брусничным чаем и дикой усталостью Руководителя направления, несущего на своих плечах весь этот полярный ад.

Костя зажмурился, глухо зарычал, а затем со страшной силой рванул распечатку билета со стола, скомкал её в кулаке и швырнул в угол.

— Ненавижу твой Ямал, Сергеич, — сипло выдохнул Костя, падая спиной на топчан. — Наличкой отдашь, понял? И чтоб вертолёт лично до Салехарда. Десять дней, Сергеич. На одиннадцатый я уйду пешком по тундре, даже если буровая будет набок падать.

Матвей поднялся, чувствуя, как внутри отлегло, и крепко сжал руку геодезиста: — Спасибо, Костян. Век не забуду.

Иди к Вадиму на пятый куст, он там как раз буровую выставляет.

Выходя из балка геодезиста, Матвей наткнулся на Косого. Тот стоял у распределительного щита БРУ, делая вид, что проверяет кабели подогрева технологической воды. На его плечистом силуэте в дорогой робе тускло поблескивали отсветы прожекторов, а шрам на щеке кривился в привычной ухмылке. Рядом с ним суетился его мастер, пряча подмышкой тома списания материалов. Косой прекрасно знал, что Костя собирался уезжать. По расчету Жанны Владимировны, именно сегодняшняя ночь должна была стать финальной для участка Матвея. Без геодезиста плита уплыла бы в талик, а Косой технично списал бы солярку на экстренный обогрев несуществующих грунтов и закрыл бы ведомости через Красноярск, оставив линейщиков крайними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.